

Памяти артиста

В Театре сатиры открыли сезон вечером в честь Георгия Менглета

Вера Максимова

Академический Театр сатиры открыл новый сезон юбилейным вечером, посвященным 90-летию Георгия Павловича Менглета. На «Чердаке Сатиры» собрались все «первачи» – Ширвиндт, Державин, Аросева, Мишулин... Отрывки из спектаклей, сохранившихся в записи, чередовались с воспоминаниями, короткими сценками-скетчами. И этим вечер сильно походил на «Андрюшу», спектакль, которым начал свою деятельность худрук Александр Ширвиндт. Что-то вышло смешно, например классический номер с суфлером, сыгранный Михаилом Державиным, Спартаком Мишулиным и Анатолием Гузенко. Что-то – трогательно и, как и положено на таких воспоминательных вечерах, вызывало слезы. Закончили запись из спектакля «Проснись и пой», где Менглет и его жена Нина Архипова играли вместе...

Жориком в глаза и за глаза называли Георгия Павловича не только в семье, но и в Театре сатиры, где Менглет бесценно и непрерывно проработал в течение 56 сезо-

нов с 1945 года, даром что был он знаменит, вальяжен и статен, от высокочтимого учителя своего по ЦЕТЕТИСу (ныне РАТИ) А.П. Петровского усвоил петербургский, а не московский лоск и элегантность и занимал в труппе положение, не меньшее чем Папанов и Миронов. На парадных, юбилейных фотографиях труппы все сидят в орденах советского и нынешнего образца, в лауреатских медалях, а Менглет – в отлично сшитом костюме с ослепительно белым платочком в кармашке на груди.

Узнав Менглета поближе, я обнаружила, что этот в высшей степени воспитанный, для посторонних любезный и дипломатичный человек в обилии и с удовольствием употребляет «солёные словца», знает толк в «ненормированной лексике», не прочь ущипнуть за щечку или за другие соблазнительные места очередную хорошенькую и молоденькую актрису в традиционной красивой труппе и обожает розыгрыши партнеров на сцене (в особенности таких смешливых, какими были Андрей Миронов или Олег Солюс).

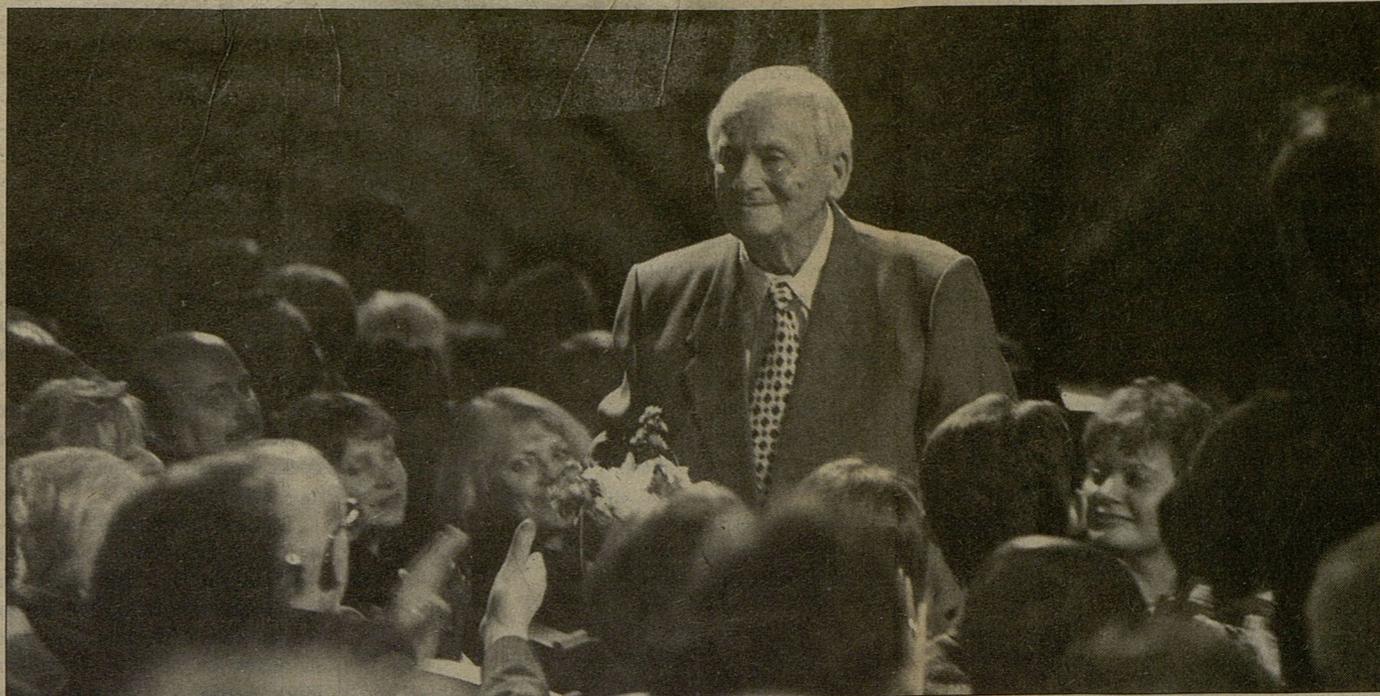
Он прожил жизнь цельным и верным человеком и человеком доступка. После ареста своего театрального учителя Алексея Дикого не остался в Ленинградском БДТ, куда был приглашен, а возглавил бывших студийцев

Дикого и по собственной инициативе отправился в далекий Таджикистан, чтобы организовать в Сталинабаде (Душанбе) русский драматический театр и чтобы сохранить ядро осиротевшей студии.

Портрет своего репрессированного Учителя даже в годы «большого террора» Георгий Павлович не снимал со стены. В невиновность и возвращение Дикого из ГУЛАГа неколебимо верил.

В молодости герой-любовник – Незнамов, Сергей (в поставленной Диким «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову), в зрелости – замечательный характерный актер со своей специфической речью – округлой, отчетливой, неспешной; фигурой грузноватой и пластичной, мюзыкально чуткой; с лукавой улыбкой обольстителя, подобной «луку амура» – углами губ, он был всегда узнаваем и всегда – другой, новый.

Его монументально неподвижный, бесчувственный до мертвенности советский бюрократ высокого пошиба Главнапупс в «Бане»; учитель аристократических манер, пошляк Олег Баян, присосавшийся к «пролетариату-гегемону», являли собой первые и редкие после двадцатилетнего перерыва и строжайших запретов примеры гиперболической, гротескной, масочной, манекенной игры.

Менглета любили как большого актера, который умел шутить не только в жизни, но и на сцене.

Независимая 2002 - 19 сент. - Сб.

В знаменитом «Доходном месте» совсем еще молодого тогда режиссера Марка Захарова он несравнимо ни с кем из предшественников, да и последователей тоже, сыграл Аристарха Вышневецкого. Комедийный актер увидел и воплотил звездноносного сановника-казнокрада не смешным, а устрашающим и ужасным, мстящим и гибнущим в безнадежном желании купить любовь.

Зрелым уже человеком Менглет появился в главной роли Пипиты Орбака в одном из первых мюзиклов на советской сцене «Проснись и пой!» (по пьесе венгерского драматурга Л.Дьярфаша в постановке М.Захарова и А.Ширвиндта) и был обаятельно простодушен, певуч, по-детски упоен собой, пока в финале не отдавал душу и влюбленное сердце окружающим людям.

Диапазон комедийных жанров был открыт и доступен ему весь – от детской веселости и простодушия (как у многодетного рогоносца судьи Бридуаона в «Женитьбе Фигаро») до ужасного и страшного в смешном. Но, кажется, он более тяготел к сатире, чем к чистой комедии, ибо умел не успокаивать, а беспокоить, выражать на сцене ужасное и отгалкивающее.

Мало снимавшийся в кино, в телевизионном сериале «Дело ведут ЗнаТоКи» Менглет играл заведующего городской свалкой Евгения Евгеньевича, мафиози и уголовника, поощрителя убийц, с профессорской внешностью и интеллигентной речью, гротескно сменявшейся блатным жаргоном в «узком кругу» соратников. Но уходил его «антигерой» из жизни страшно, не останавливаясь в по-

лубезумии тягучего танго, бил и бил пластинки о стену квартиры, в которую уже рвется милиция.

Тяжко болевший в конце жизни он до самого конца хотел играть. И сыграл, правда, на стороне, в полуантрепризном коллективе, в окружении молодых незначительных актеров-энтузиастов роль пушкинского Скупого рыцаря. В то время уже очень слабый, нездоровый он ходил с трудом и, едва появившись на сцене, усаживался в старое кресло. На протяжении всего спектакля «действовал» лишь словами пушкинского монолога и странной, пугающей, нереальной мимикой. Постоянно улыбающийся безумец был перед нами; счастливцев, рот которого все шире, неистовой растягивался в блаженную гримасу. Аскет, обликом – нищий, восседал на немислимых богатствах. Философ не исповедовался и не каялся, а размышлял о грешной жизни людей-расточителей и радостно утверждал свое право иметь, приобретать, отнимать, таить сокровища от тех, кто легкомысленно не знает им цены. Скупой Менглета ликовал и царствовал на маленькой пустой сцене чужого театра. Маленький и худой в последние годы, торжествующий и мощный – таким он остался в памяти и таким ушел, оставив после себя еще одну невосполнимую утрату театра.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)